

УДК 39.3

DOI: 10.17223/22220836/37/24

О.М. Рындина, Е.В. Барсуков

АРХИВ В.Н. ЧЕРНЕЦОВА КАК ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ (1920-е гг.)¹

Статья посвящена проблеме антропологического фактора в науке. На основе материалов, хранящихся в архиве известного отечественного этнографа-угроведа В.Н. Чернецова, предпринята попытка реконструкции полевых методов работы, обусловленных личностным фактором самого исследователя. На основе графологической экспертизы текстов, содержательного анализа различных видов фиксации и обработки полевого материала, рассказа исследователя сделан вывод о доминировании методов включенного наблюдения и эмпатии, выражавших общий гуманистический посыл его мировоззрения, корректировке тематических приоритетов и преобладании «реальных записей» как формы фиксации материала.

Ключевые слова: В.Н. Чернецов, архив, полевые этнографические исследования, манси, «реальные записи», дневники, литературное творчество.

Имя В.Н. Чернецова (1905–1970) стало символом советского угроведения. Он родился в семье архитектора, окончил Московский радиотехнический институт по специальности радиотехника. В 1923–1925 гг. работал радиотехником в составе геодезической экспедиции на Северном Урале. По долгу службы находился в постоянных контактах с местным населением – манси, начал осваивать мансийский язык, заинтересовался культурой народа [1. С. 194]. После возвращения из экспедиции познакомился с В.Г. Богоразом – отечественным этнографом-классиком, специалистом по культуре народов северной Евразии и Америки, много сделавшим для укрепления научных связей с американскими учеными, в частности, с основателем американской культурной антропологии Ф. Боасом [2. С. 13]. В.Г. Богораз и убедил молодого человека поступать на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета, которое В.Н. Чернецов окончил в 1930 г. по специальности «этнография финно-угорских народов». Трудовой путь молодого этнографа пролегал через Научно-исследовательскую ассоциацию Института народов Севера и Музей антропологии и этнографии АН СССР, где он работал в должности научного сотрудника, заведующего отделом Сибири. Научную деятельность начинающий ученый сочетал с активной общественной: он участвовал в разработке мансийской письменности и создании учебной и популярной литературы на мансийском языке. В 1940 г. ученый переехал в Москву и поступил на работу в Институт истории материальной культуры (позднее – АН СССР, ныне – Институт археологии РАН).

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00329) «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В.Н. Чернецова».

С этого время сфера его научных изысканий сместилась в сторону археологии Северо-Западной Сибири [1. С. 194].

Период этнографических исследований В.Н. Чернецова, 1920–1930-е гг., отмечен активной полевой деятельностью. Ежегодно, с 1925 по 1938 г., за исключением года окончания университета, В.Н. Чернецов совершал этнографические экспедиции сроком от 3 мес до 2 лет. Основным объектом его полевых изысканий стала культура западных манси, проживавших на территории Тюменской области, на р. Северная Сосьва (5 экспедиций) и р. Лозьва (2 экспедиции). В ходе многолетних экспедиций был собран уникальный материал по различным областям культуры народа – мировоззрению, обрядовой сфере и прежде всего Медвежьему празднику, социальной организации, традиционным занятиям, материальной культуре, советскому строительству. В 1928–1929 гг. состоялась экспедиция к ненцам Ямала.

Часть своих богатейших полевых материалов В.Н. Чернецов передал в Ленинграде в Музей антропологии и этнографии (МАЭ № 3233, 3367, 4086, 5531, 5533, 5745, 6546, ф. И-786). Однако большая часть материалов хранилась в домашнем архиве исследователя. Вдова и соратник ученого В.И. Мошинская безвозмездно передала его в 1979–1980 гг. в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Архив был оформлен как фонд под № 869. Фонд насчитывает 92 дела разного объема и содержания: около 1,5 тыс. рукописных страниц полевых записей, 481 рисунок, 761 фотоснимок, 600 негативов и позитивов на стекле и фотопленке, киноматериалы и прежде всего фильм о Медвежьем празднике в пос. Вежакоры на Оби, снятый в 1948 г., а также составляющие значительную часть архива фольклорные тексты на мансийском языке – эпос, исторические предания, сказки и другие жанры [3]. В настоящее время ведется работа по фиксации фонда на цифровых носителях, в частности, в цифровой формат уже переведен фильм о Медвежьем празднике.

Значительная часть материалов В.Н. Чернецова была обработана и опубликована [4], вместе с тем за кадром остались нюансы, проливающие свет на личность исследователя и его полевую творческую лабораторию. Одним из показателей, позволяющих приоткрыть завесу над полевыми исследованиями В.Н. Чернецова, служит его почерк, ведь записи сделаны исключительно рукой самого исследователя. Почерк является предметом исследования палеографии, графологии и судебного почерковедения. Первая изучает внешние признаки письма: знаки письменности, материал, на котором пишут, орудия письма, украшения рукописей и др. и среди них почерк в их исторической динамике [5. С. 3, 13]. Правда, палеографические методы наработаны главным образом применительно к средневековым рукописям, поэтому сложно их экстраполировать на современную письменность. Графология сформировалась как отрасль психологических знаний и трактуется как учение о распознавании по почерку характера человека. Судебное почерковедение – прикладная криминалистическая отрасль знаний, изучающая индивидуальность, динамическую устойчивость и избирательную изменчивость почерка. Она определяет условия выполнения рукописей, внутренние, вызванные функциональным или патологическим состоянием, и внешние, обусловленные обстановочными факторами [6. С. 44–45]. Последний фактор особенно важен,

поскольку позволяет воссоздать метод фиксации материала, используемый В.Н. Чернецовым в полевых условиях.

Сам исследователь, согласно названиям, помещенным на тетрадях и блокнотах, выделял «дневники» и «реальные записи». Критерием служила специфика фиксируемой информации: в дневниках описывался сам ход экспедиции, а реальные записи представляли собой фиксацию конкретных сюжетов, наблюдаемых в действительности, конкретной информации, услышанной от информаторов. Соответственно, для дневников использовались общие тетради, а для реальных записей – блокноты.

При обращении к почерку, во-первых, меняются критерии классификации, во-вторых, она становится более дробной. Для характеристики почерка В.Н. Чернецова заимствуем признаки, используемые при анализе сибирских рукописей: наличие / отсутствие сокращений, тип текста (сакральный, научный, делопроизводственный), белой / черновой варианты [7. С. 55]. Дневники и часть реальных записей демонстрируют аналогичный почерк: тексты представляют собой «беловые» варианты, практически лишенные сокращений, с минимальным количеством исправлений, как правило, вставок. Почерк представляет собой довольно размашистую, ровную по наклону, красивую по начертанию скоропись. Приведенные характеристики свидетельствуют о том, что В.Н. Чернецов писал тексты, как сакральные, так и бытописательные, в спокойных условиях, в удобной позе, не торопясь. Подобные условия исключены в момент непосредственной фиксации материала, будь то наблюдение или интервьюирование. Следовательно, и дневники, и реальные записи писались в условиях стационарного нахождения в каком-либо месте. В условиях экспедиции такие условия возникают, как правило, вечером, после дневного сбора информации. Если дневниковые записи, с учетом своеобразного стиля В.Н. Чернецова, сочетающего в себе академизм с образностью и доступностью изложения, могли сразу писаться «набело», то применительно к этнографическим сюжетам такое предположение неоправдано. Следовательно, должны были существовать черновые варианты этнографических записей, предваряющие «реальные».

Действительно, в блокнотах и тетрадях встречаются записи, сделанные совершенно другим почерком: рваным, неровным, с разнонаклонными, неразборчивыми по очертаниям и потому плохо читаемыми буквами. Не возникает сомнений, что подобные записи сделаны в момент непосредственной фиксации материала. Более всего подобных записей относится к экспедиции 1936–1937 гг. на Северную Сосьву и Среднюю Обь. Эта экспедиция стала самой плодотворной из всех восьми, совершенных к манси. Именно в ходе нее В.Н. Чернецов записал обряд чествования медведя – Медвежий праздник. Систематизация и анализ этих уникальных материалов придали имени исследователя международный статус. Полное и последовательное описание важнейших для манси ритуалов В.Н. Чернецов вставлял в дневниковые записи уже в «чистовом» варианте. В отчете об экспедиции за 1937 г. исследователь писал об этой двухэтапной фиксации информации: «зарисовки и описания, сделанные большей частью эскизно и кратко во время хода обрядов, требовали немедленной же доработки» [8. С. 14]. Таким образом, следует выделять не два, а три вида полевых записей В.Н. Чернецова: дневники и реальные записи как «беловые» варианты и черновой вариант фиксации материала, по-

лучаемого методом наблюдения и углубленного интервьюирования. Ученый предстает как чрезвычайно ответственный и требовательный к ведению и оформлению полевого материала. Кроме того, в архиве содержатся отчеты об экспедициях В.Н. Чернецова, включающие гораздо более существенный компонент аналитики и обобщений. Они написаны в «чистовом варианте».

Обратимся еще раз к почерку В.Н. Чернецова в его «беловом» варианте: разборчивый, с наличием небольшого числа оригинальных по начертаниям букв (ж, ю, р), их округлыми очертаниями. Если пренебречь некоторым скепсисом по поводу методов, которыми оперирует графология, можно заключить, что почерк рисует его обладателя как человека спокойного, но не чуждого эмоциям, обладающего творческим умом, интеллектуальной любознательностью и способностью ясно мыслить и излагать свои мысли [9. С. 121–122]. Именно таким рисует В.Н. Чернецова и содержательная часть его полевых материалов. Графология в данном случае не диссонирует с действительностью, запечатленной в содержательной части текста.

Представляется, что для разностороннего подхода к полевой лаборатории В.Н. Чернецова целесообразно выделить определенный период его этнографических сборов и рассмотреть более обстоятельно. С этой точки зрения особый интерес представляют 1920-е гг. На рассматриваемое десятилетие пришлось следующие экспедиции к манси:

июль – ноябрь 1925 г. – манси р. Лозьва;

июнь 1926 г. – апрель 1927 г. – манси р. Северная Сосьва (участие в проведении Приполярной переписи);

июль – август 1927 г. – манси р. Лозьва.

Это был начальный период полевой работы исследователя, время исканий и обретений, определения ориентиров и собственного «Я». К тому же 1920-е гг. представлены в архиве разноплановыми источниками: реальные записи и дневники, отчет об экспедиции и, что особенно важно, литературное творчество – рассказ и начало поэмы. В них В.Н. Чернецов мог позволить себе излить чувственное лирическое восприятие событий. Остановимся на рукописном неопубликованном рассказе В.Н. Чернецова, хранящемся в архиве [10. Л. 1–24, 33–40]. Он не имеет названия и, судя по фабуле, первых страниц: повествование начинается со второго дня пути автора. Структура рассказа до конца не отработана: выделены вторая и третья главы, но название третьей зачеркнуто. Часть рассказа переписана «набело», а вторая часть представляет собой черновой вариант. Вместе с тем хорошо просматривается основная сюжетная линия рассказа – мотив пути по миру манси, природному и культурному. Хотя дата написания не указана, есть веские основания относить этот рассказ к первой этнографической экспедиции исследователя.

Во-первых, совпадают географические названия, встречающиеся в отчете и в рассказе: р. Ивдель, Вожай, Тошемка, Анчуг (Анчуп), Ялпинг-я, Помское озеро, с. Бурмантово, Такты-пауль, Яктель-я-вот пауль (Яктим-я-вот пауль), которые относятся к исследуемому району – северу Ивдельского, что в верховьях р. Лозьва. При этом география путешествия в рассказе представлена более детально. Во-вторых, один из основных персонажей рассказа – Савва / Еремей Бахтиаров – обнаруживает реального прототипа. В отчете отмечается, что «основной группой на Лозье является род Бахтиаровых, пришедший по преданию с западной стороны Урала» [4. С. 14]. Более того, в

таблице, характеризующей пофамильный состав селений, обследованных В.Н. Чернецовым, в Анчуг-пауле, что расположен на р. Анчуг – правом притоке Вожая, значатся Бахтияров Сава Еремеевич и его жена Дарья [4. С. 15]. В тексте рассказа хорошо просматривается переименование героя: первоначально он носил собственное имя – Савва. Однако в чистовой части статьи это имя почти во всех местах было заменено на Еремея, а в черновой сохранилось прежнее. Возможно, исправления в тексте свидетельствуют о возникшем у автора желании придать повествованию больше художественности. Фигурирует в рассказе и Дарья – жена Еремея.

В-третьих, наблюдается практически полное совпадение рельефно-природной характеристики исследуемого района в обоих источниках. В опубликованном отчете она скупа: низкий заболоченный берег Лозьвы и противоположный, пересеченный увалами и сопками, которые по мере движения к истоку реки делаются все выше и переходят в Уральский хребет. Соответственно различается и флора. «Большинство увалов покрыты сосновыми борами и лиственницей, которые в более сырых местах сменяются кедром, елью и пихтой... По мере поднятия на горы сосновые леса сменяются еловыми и кедровыми насаждениями, которые, в свою очередь, уступают место низкорослой горной березе. На высоте метров 700–800 леса уже нет вовсе за исключением кустиков полярной березы и ивы. Болотистый берег Лозьвы покрыт еловыми и пихтовыми лесами невысокого качества и лишь сравнительно в редких местах встречаются сосновые боры. Большие пространства заняты открытыми болотами, где произрастает лишь редкая болотная сосна» [Там же. С. 13].

В рассказе ландшафт оживает, он образует первозданный контекст, который оттеняет аутентичность вписанной в него культуры. Образы природы и культуры постоянно пересекаются, усиливая друг друга. Вместе с тем, как и в дневниках, в рассказе хорошо прослеживается, с одной стороны, вертикальная зональность, с другой стороны, болотистая протяженность. Приведем наиболее выразительные описания.

«По вершине увала дорога шла чистыми сосновыми борами, где старые деревья напоминали собою колонны какого-то громадного здания. Но по мере спуска вниз лес делался все гуще и непролазней. Дорога становилась все менее заметной и была вся завалена старыми упавшими деревьями. Перелезая через них, я несколько раз вспугивал рыжих белок, которые с сердитым рычанием взлетали на ближайшие деревья и, усевшись на сучке, с любопытством рассматривали заявившегося в их царство гостя» [10. Л. 1]. «В этих краях деревья стоят, пока не начнут валиться от старости или не сделаются добычей пожара, и потому обычно весь лес бывает буквально завален упавшими деревьями, которые образуют местами целые стены, через которые и зверь не пролезет» [Там же. Л. 13].

«После трех-четырёх часов подъема лес начал изменяться. Деревья стали ниже и раскидистой, начали попадаться лужайки. Поднялись еще выше, и чаща осталась позади, а перед нами развернулся роскошный луг, где никогда не кошенная трава достигала до пояса. Кое-где (л. 14) попадались группы березок с искривленными зимней непогодой стволами. Самая вершина горы была лишена всякой растительности за исключением белого оленьего мха, прикрывавшего каменистые осыпи» [Там же. Л. 13–14].

«Здесь на этой высоте не было даже полярной березки. Только мхи и лишайники да кое-где невысокая чахлая травка заменяли всякую растительность. Кругом высились мощные вершины гор, одетые снегом, а прямо перед нами на самом горизонте виднелось несколько каменных столбов, которые точно какие-то стражи охраняли покой гор. На Урале во многих местах можно наткнуться на такие столбы, оставшиеся от разрушившихся вершин. Вогулы же считают их за окаменевших менквов – злых великанов, живущих в лесу» [10. Л. 21].

«Час спустя я остановился на берегу Ивделя, где решил попить чаю. Отсюда началась тяжелая дорога. Приходилось идти то болотом, где ноги увязали во мху, то подниматься на сопки и увалы и снова спускаться вниз. После двух-трех часов такого пути начало казаться, что котомка у меня весит не пуд, а целую тонну!» [Там же. Л. 2].

К рассказу тесно примыкает и образец поэтического творчества В.Н. Чернецова, по ошибке отнесенный к материалам экспедиции на Сосьву в 1926–1927 гг. [4. С. 47]. Экспедиционный фон живописно передан в рассказе: «На другой день все вогулы собрались ехать в зырянский чум на гору Ялпинг-Ньёр. Мы с Еремеем выехали раньше... к вечеру добрались до горы Пот-Туми, где расположились на ночевку, отпустив оленей на мох. Спустилась ночь, и когда на небе загорелись звезды, Еремей сказал, указав рукой на Млечный путь:

– Это Мощ хум езанг ленг¹. Давно, давно, когда еще не было русских, жил муж со своей женой. Однажды у них родился сын, имя которому дали Мощ Хум. А в те времена на земле жил лось, только у него было шесть ног, вот здесь еще у него третья пара была... А Мощ Хум... взял отцовский меч, лук, стрелы и побежал догонять. А снег глубокий был, так он лыжи себе сделал, оттого след этот и остался. Догнал зверя и отрубил ему две задние ноги. С тех пор лось таким и остался. От Мощ Хума и люди научились лыжи делать. Лося тоже на небе видно. Вон он, видишь? – с этими словами Еремей указал на созвездие Большой Медведицы.

Я с глубоким интересом слушал Еремея, который продолжал рассказывать о похождениях легендарного героя, и благодарил судьбу, пославшую на моего товарища, из которого иногда невозможно было вытянуть ни одного слова, разговорчивое настроение. Далеко за полночь просидели мы, он рассказывая, я слушаю, и лишь когда августовская ночь подошла к концу и заалели вершины горы, пошли спать» [10. Л. 26 об. –27].

Очевидно, ночное исполнение легенды о шестиногом лосе произвело на В.Н. Чернецова сильный эффект, и он оформил приведенный сюжет в поэтическом жанре, сохранив все указанные географические названия, относящиеся к месту ночлега.

«Ночь спускалась над Тот-туми,
И туман в долине Лозьвы
Пал густою пеленою.
Красным отблеском горели
Все вершины Ялкин-ньёра...» [4. С. 47].

¹ Ложный след Мощ Хума. Мощ Хум – герой многочисленных сказаний.

Таким образом, первую этнографическую экспедицию В.Н. Чернецова характеризуют «реальные записи», систематизированный автором полевой материал, рассказ и отрывок поэмы. На основе указанных источников попытаемся очертить тематический формат, интересовавший исследователя. Это материальная сфера культуры: традиционные занятия, при этом особое внимание уделено пушному промыслу и доходам семьи, средства передвижения, жилище, пища, одежда. При этом отметим системный подход к изучаемым компонентам культуры: описание утилитарных свойств нередко сочеталось с соционормативными и сакральными характеристиками. Общая характеристика основных компонентов подсистемы производства и жизнеобеспечения, содержащаяся в материалах архива, свидетельствует о том, что В.Н. Чернецов не только обладал детальными знаниями мансийской культуры, приобретенными в первой экспедиции летом 1925 г., но и хорошо владел основами методики по анализу материальной культуры. Возможно, обобщение собранного полевого материала он производил уже во время обучения в Ленинградском университете, куда поступил осенью того же 1925 г. По крайней мере в той же тетради, где содержится систематизированный материал, записана лекция по общей этнографии, во многом посвященная материальной культуре [11. Л. 48–61]. В реальных записях исключительно редко встречаются сведения о традиционных верованиях. Возможно, отчасти это было обусловлено еще не установившейся должной мерой доверительности между исследователем и информаторами. По крайней мере рассказ позволяет сделать подобное предположение: «Еремей замолчал и пошел скорей, как бы испугавшись, что сказал лишнее. Вогулы вообще очень скрытные в вопросах своих верований, а в особенности не любят о них рассказывать русским, и моменты такой откровенности бывали далеко не часты» [10. Л. 15].

Вторая этнографическая экспедиция В.Н. Чернецова была совершена в 1926–1927 гг. на р. Северная Сосьва. Архивные материалы представлены главным образом «реальными записями» и небольшим по объему фрагментом дневника с 25 января по 7 февраля 1927 г.

Страницы дневника позволяют воссоздать ход экспедиции, которая наложилась на участие В.Н. Чернецова в Приполярной переписи. Исследователь постоянно заполнял «поселенные» бланки на отдельных хозяев, переезжая с места на место на оленях. Приходилось ночевать на снегу, укрывшись лишь двумя малицами, плутать вместе с оленями, потерявшими дорогу [4. С. 43–44]. Вместе с тем продолжался активный сбор этнографического материала. При этом хорошо просматривается корректировка тематических приоритетов. Во-первых, гораздо больше внимания уделяется традиционной картине мира – представлениям о духах, астральных объектах, культовой практике. Во-вторых, обозначается интерес к социальному устройству манси, прежде всего к фратриальному делению. По-прежнему уделяется внимание доходной и расходной частям семейного бюджета манси, описываются отдельные элементы материальной культуры – одежда, стрела, жилище, но описания эти предельно конкретны, поскольку характеризуют отдельные предметы. Возможно, смещение акцентов в сторону духовной культуры обусловлено эволюцией взглядов В.Н. Чернецова как студента-этнографа второго курса, произошедшей под воздействием идей В.Г. Богораза. По крайней мере известно, что лекции по духовной культуре он слушал именно у него, о

чем имеется соответствующая пометка в вышеуказанном конспекте [11. С. 48].

Специфика полевой лаборатории этнографа во многом определена его исследовательскими методами. Применительно к полевым исследованиям В.Н. Чернецова 1920-х гг. можно с полным правом вести речь о включенном наблюдении и методе эмпатии, т.е. о сопереживании происходящим событиям, стремлении разделить ту же шкалу оценок и ценностей, что и изучаемый этнос. Именно эти методы и обеспечивают наиболее полное погружение в культуру, умение понять ее, настроиться на одну тональность с ней. Стремление В.Н. Чернецова уже в первой экспедиции по возможности слиться с манси, сделаться, как они, явствует из его рассказа. Лейтмотивом его служит идея пути – экспедиционного маршрута. В первой части рассказа, в первой половине пути, автор явно дистанцирован от мансийской культуры, диссонирует с ней: не пользуется пологом, поэтому ночью, спасаясь от комаров, вынужден прятать руки и голову в мешок, не носит мансийской одежды, еле проглатывает в первый раз кусок сырого оленьего мяса, за что награждается насмешками со стороны манси [10. Л. 3, 9, 25 об.]. Во второй части рассказа, когда повествование близится к концу, символично звучит сцена встречи с хорошо знакомым героем – Саввой / Еремеем Бахтиаровым.

«Савва не видел меня полтора года и был сильно удивлен произошедшей во мне переменной.

– Ты совсем как вогул стал! – сказал он. – И говоришь хорошо, и одет совсем по-нашему. Поди и мясо сырое ел, когда на Урал ходил?

– О, он все ест, совсем как мы, – вмешался в разговор сын Саввы, бывший на Урале в одно со мной время. – Лошадь кололи, он и лошадь ел! Хороший человек!» [Там же. Л. 28].

Чувство единения с В.Н. Чернецовым как со «своим» испытала много позднее и Е.И. Ромбандеева, кандидат филологических наук: «Когда я увидела его впервые – он вошел в комнату, – глаза мои широко раскрылись:

– Манси!

Он дверь приоткрыл, как манси, ступая по полу, как манси. Это меня поразило. Наверное, он настолько был близок моему народу, что, для себя незаметно, перенял многие наши манеры и уже от них избавиться не мог даже в столичном быту. Встречаясь с ним, я постоянно поражалась: да, это манси, хотя хорошо понимала, что он коренной москвич» [12. С. 233–234].

Сближение с манси не могло произойти без знания мансийского языка. Его изучению В.Н. Чернецов уделял постоянное внимание в экспедиции. Хотя интерес к языку пробудился в нем еще во время геодезической экспедиции на Северный Урал, все же в начале первой этнографической экспедиции он испытывал некоторые затруднения, общаясь на мансийском: «Одного я только не мог толком понять, каким образом Савва узнал, что я собираюсь прийти к нему в гости, когда я не сообщал ему об этом заранее. Здесь уже мои познания в вогульском языке оказывались недостаточными» [10. Л. 6]. Страницы практически всех полевых блокнотов и тетрадей содержат следы упражнений В.Н. Чернецова в мансийском: спряжение, склонение, перевод отдельных предложений, многочисленные глоссарии, в том числе и тематические. В результате к концу экспедиции степень владения языком должна была существенно повыситься. В поле исследователь совершенствовал свои

познания в мансийском, чтобы затем вернуть их народу в виде учебников и популярной литературы.

В завершение отметим гуманистическое отношение В.Н. Чернецова к коренным народам Сибири, выраженное через восприятие образа манси. «Надо сказать, что обычно русские держатся с вогулами несколько свысока, чего они совершенно не заслуживают, и не мудрено, что русский, зашедший к ним на праздник ради их самих, [это] было делом не совсем обычным» [10. Л. 22]. Питая к изучаемому народу искреннее уважение, исследователь проявлял его и посредством подарков, которые он неизменно вписывал в строки экспедиционных расходов – на колокольчики, наперстки, бисер, бусы, пуговицы, тесьму [13. Л. 28 об. –29]. В ответ он получал такое же уважение как со стороны мужчин, так и женщин. «Против меня на корточках сидела дочь хозяина и подкладывала мне в чашку кусочки лосиного сала, считая, что оно придаст особенно приятный вкус чаю. Я не противился этому, во-первых, из осторожности, чтобы не обидеть хозяев, а кроме того такое смешение было не так уж невкусно» [10. Л. 23]. Возникшее в ходе экспедиций взаимное уважение становилось залогом предельно доверительных отношений.

Итак, на 1920-е гг. пришлось становление В.Н. Чернецова как этнографа-полевика. Методика его полевой работы, метод включенного наблюдения и эмпатии логично вытекали из общего гуманистического посыла мировоззрения и заключались в стремлении к максимальному сближению с изучаемой культурой, вживании в нее настолько, чтобы быть воспринятым народом в качестве «своего». Исходя из этого первостепенное внимание уделялось регулярному изучению мансийского языка в контексте этнографической повседневности. Тематика исследований со временем претерпела некоторую корректировку: от материальной сферы культуры она сместилась к духовной – традиционное мировоззрение и социальная организация. Среди полевых материалов преобладали «реальные записи» как фиксация непосредственно наблюдаемых реалий этнической культуры. На их основе писались обобщающие тексты, характеризующие культуру изучаемой группы манси в целом. Обращение к формату дневниковых записей было эпизодическим. Впечатление от автохтонной культуры в первой этнографической экспедиции было настолько сильным, что побудило обращение В.Н. Чернецова к художественному творчеству в жанре рассказа и поэтического изложения мансийского мифа. Это творчество приоткрывает завесу над внутренним миром и самого исследователя.

Литература

1. Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Валерий Николаевич Чернецов // Советская этнография. 1970. № 4. С. 194–197.
2. Алькор Я.П. В.Г. Богораз // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 5–31.
3. Лукина Н.В., Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова [К 80-летию со дня рождения ученого] // Советская этнография. 1985. № 5. С. 70–74.
4. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
5. Черепнин Л.В. Русская палеография. М. : Госполитиздат, 1956. 616 с.
6. Володина Н., Орлова В. Графология и судебное почерковедение // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 44–45.
7. Есипова В.А. К вопросу об эволюции графики письма сибирских документов XVIII–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 45–67.

8. Чернецов В.Н. Отчет об этнографической экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР в Остяко-Вогульский национальный округ (1937) // Советская этнография. 1937. № 4. С. 209–211.

9. *Дороти Сара*. Тайны почерка. М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 160 с.

10. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС № 869. Д. 37. 48 л.

11. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС № 869. Д. 1. 64 л.

12. *Омельчук А.К.* Рыцари Севера. Тюмень : Мандрик и К, 2006. 400 с.

13. *Архив В.Н. Чернецова*. МАЭС № 869. Д. 4. 37 л.

Olga M. Ryndina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

Evgeny V. Barsukov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: barsukovevg@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 37, pp. 228–238.

DOI: 10.17223/2220836/37/24

ARCHIVE OF V.N. CHERNETSOV AS A CREATIVE LABORATORY OF A RESEARCHER (1920S)

Keywords: V.N. Chernetsov; archive; field ethnographic studies; Mansi, “real records”; diaries; literary work.

The article is devoted to the problem of the anthropological factor in science. The archive of the famous Russian ethnographer V.N. Chernetsov who studied the Ugric peoples, was the base for personally related field research reconstruction. Using the graphological examination of the texts, three types of the fieldnotes were distinguished: diaries and “ethnographic notes” as “fair” copies and a draft version of fixing material obtained by observation and in-depth interviewing. In addition, the archive contains reports on the expeditions of V.N. Chernetsov, including a much more substantial component of analytics and generalizations. They are written as the fair copies.

For a versatile approach to the field laboratory of V.N. Chernetsov, the initial period of his ethnographic collections at the Mansi – the 1920s is distinguished. It is established that the story and the poetic exposition of the myth closely related to it refer to the first ethnographic expedition of the scientist on the river Lozjva in 1925. The subject of expeditionary gatherings was localized mainly in the tangible heritage; information on traditional beliefs is extremely rare. Perhaps, this was partly due to the fact that a proper measure of trust between the researcher and informants still had not been established. A report on this expedition, demonstrating a good command of the basics of the material culture analysis methodology, suggests that it was made after V.N. Chernetsov’s entering Leningrad University. In the second expedition, the adjustment of thematic priorities is clearly visible: much more attention is paid to the traditional worldview and the interest in the Mansi social order. Perhaps the evolution of V.N. Chernetsov’s views as a second-year ethnographer student was influenced by V.G. Bogoraz, who taught a course on intangible heritage.

In relation to field research of V.N. Chernetsov in the 1920s it could obviously said about the included observation and the method of empathy, that is, empathy with current events, the desire to share the same scale of assessments and values as the ethnos under study. The desire of V.N. Chernetsov in the first expedition to merge with the Mansi, become like them, is clear from his fieldnotes. Based on this, primary attention was paid to the regular study of the Mansi language in the context of ethnographic everyday life. The methodology of field research, in turn, was determined by the general humanistic attitude of V.N. Chernetsov to the indigenous peoples of Siberia, which also appears from the fieldnotes. Among field materials in the 1920s “ethnographic notes” prevailed as a fixation of the directly observed realities of ethnic culture. Based on them, generalizing texts were written characterizing the culture of the studied Mansi group as a whole. The appeal to the diary format was occasional.

References

1. Vasiliev, V.I., Simchenko, Yu.B. & Sokolova, Z.P. (1970) Valeriy Nikolaevich Chernetsov [Valery Nikolaevich Chernetsov]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 194–197.

2. Alkor, Ya.P. (1935) V.G. Bogoraz [V.G. Bogoraz]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 5–31.

3. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1985) Etnograficheskiy arkhiv V.N. Chernetsova [K 80-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo] [V.N. Chernetsov’s Ethnographic Archive [On the occasion of the 80th birthday]]. *Sovetskaya etnografiya*. 5. pp. 70–74.

4. Lukina, N.V. & Ryndina, O.M. (1987) *Istochniki po etnografii Zapadnoy Sibiri* [Sources on the Ethnography of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Cherepnin, L.V. (1956) *Russkaya paleografiya* [Russian Paleography]. Moscow: Gospolitizdat.
6. Volodina, N. & Orlova, V. (2000) Grafologiya i sudebnoe pocherkovedenie [Graphology and judicial handwriting]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 44–45.
7. Esipova, V.A. (2017) On the evolution of graphic styles of Siberian documents written in the 18th to the 20th centuries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 45–67. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/18/4
8. Chernetsov, V.N. (1937) Otchet ob etnograficheskoy ekspeditsii Instituta antropologii, arkhologii i etnografii Akademii Nauk SSSR v Ostyako-Vogul'skiy natsional'nyy okrug (1937) [Report on the ethnographic expedition of the Institute of Anthropology, Archeology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences in the Ostyak-Vogul National District (1937)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 209–211.
9. Dorothy, S. (1997) *Tayny pocherka* [Secrets of Handwriting]. Translated from English. Moscow: RIPOL KLASSIK.
10. V.N. Chernetsov's Archive. MAES № 869. D. 37. 48 l.
11. V.N. Chernetsov's Archive. MAES № 869. D. 1. 64 l.
12. Omelchuk, A.K. (2006) *Rytsari Severa* [Knights of the North]. Tyumen: Mandrik i K.
13. V.N. Chernetsov's Archive. MAES № 869. D. 4. 37 l.